

Александр Рупасов, Александр Чистиков

БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ: КАТАСТРОФА В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Давняя традиция ведения дневников ушла. Времени и потребности каждодневно фиксировать настоящее, которое становится прошлым, и размышлять над ним — не остается. Завтра будет завтра и надо быть готовым к новому событию. Прошлое блекнет и утрачивает связь с несущимся в будущее настоящим. Человек в этом прошлом становится для нас малопонятным, если не загадочным. Жалкие потуги так называемой устной истории — полубесед-полуинтервью с очевидцами событий — в лучшем случае создают некую амальгаму из разновременных эмоций, чувств, размышлений, логические операции историка над которыми порождают искаженную картину.

Дневник, что бы ни побудило за него взяться — желание сохранить происходящее для будущих поколений, или же необходимость некой психологической разрядки, или желание сохранить собственное «я» в нагряншем хаосе — всегда остается поразительным источником, позволяющим заглянуть в мир человека и, через человека, — в Эпоху.

Много ли мы знаем о блокаде, об этой растянувшейся на годы катастрофе? И да, и нет. После захвата немецкими частями 8 сентября 1941 г. Шлиссельбурга Ленинград оказался оторванным от Большой земли. Это — общепринятая дата начала блокады. Многие ли из жителей города узнали тогда о начале страшного, рокового для многих отсчета времени? Ведь даже пять дней спустя заместитель наркома иностранных дел Алексей Лозовский, интервью которого иностранным журналистам перепечатала «Ленинградская правда», заявлял: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, явля-

ется обычным для немецкого командования преувеличением». Лозовский умолчал о том, что еще 30 августа немецкие части заняли Мгу и тем самым перерезали последнюю связывающую город с остальной страной железную дорогу.

Безусловно, кто-то догадывался, что военная ситуация крайне плоха. Эвакуация была прекращена еще до захвата немцами Шлиссельбурга. Если введение карточной системы постановлением СНК СССР от 18 июля, которым устанавливались нормы выдачи хлеба (для рабочих и ИТР — 800 граммов, служащих — 600, иждивенцев и детей — до 12 лет — 400 граммов в день), было только первым тревожным сигналом, не предвещавшим появления немцев под Ленинградом, то августовские дни стали вызывать уже не тревогу, а страх перед будущим. Вскоре последовали резкие ограничения в продаже продуктов питания и предметов первой необходимости, переход к разовым выдачам (первоначально речь шла только о хозяйственном и туалетном мыле, но в сентябре в перечне оказались уже спички — рабочим по 6 коробков, иждивенцам — по 3, чай — по 25 и 12,5 грамма соответственно, яйца — по 10 и 5 штук). Из кондитерских и булочных, после проведенной в июле экстренной инвентаризации, исчезли сахар, печенье, пряники, сладкая сдоба и т. п. Ограничения на выдачу наличных из сберкасс породили очереди на сдачу вещей, антиквариата и изделий из драгоценных металлов в комиссионные магазины. Почти опустели рынки. Все это, как и начавшийся процесс ликвидации заведений, торгующих по коммерческим ценам, не могло остаться незамеченным. Сводки с фронтов были все менее утешительными. Становилось понятным, что скорого окончания войны не предвидится. Еще не было налетов немецкой авиации на город, многочасовых артиллерийских обстрелов, но тревога за будущее становилась все сильнее.

За первым артиллерийским обстрелом 4 сентября — 6 сентября последовала первая авиационная бомбардировка. Эти события с неизбежностью должны были доказать наиболее оптимистично настроенным горожанам, насколько тяжела ситуация на фронте, насколько близко враг подошел к городу. Со 2 сентября норма продажи хлеба по карточкам была снижена. Дымы от пожаров на продовольственных Бадаевских складах

8 сентября не мог видеть только слепой. Город переполнили тревожные слухи. Три дня спустя исполком Ленгорсовета ввел ограничения на потребление электричества, а еще день спустя нормы отпуска по карточкам были вновь сокращены. Однако публично признать, как записывала в своем дневнике 16 сентября И. Д. Зеленская, что «по-видимому, уже не осталось щелчки для свободного выхода», власти так и не решились. Только в опубликованном в «Ленинградской правде» 9 ноября 1941 г. тексте выступления на общегородском митинге по случаю годовщины Октябрьской революции командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта М. С. Хозина впервые было открыто признано: «...гитлеровские полчища охватили город кольцом блокады».

Жизнь в городе затаивалась, замирала. 13 сентября по распоряжению Военного совета фронта были отключены все телефоны индивидуального пользования. С наступлением вечера город погружался в темноту — плотно зашторенные окна домов не должны были пропускать и малейшего лучика света. Положение с продуктами неумолимо ухудшалось. Правда, в октябре в дополнение к прежним разовым выдачам рабочие, служащие и иждивенцы получили по 0,5 литра водки, кроме того, рабочим выдали по 2 литра пива (остальным — по 1,5 л). Если месяцем ранее детям до 12 лет выдали по 300 граммов сметаны, то следующего подобного события им пришлось ждать два месяца, а затем забыть о таких подарках на год.

Возможно, начало зимы 1941–1942 гг. было бы не столь катастрофично для горожан, если немцам не удалось бы захватить 8 ноября Тихвин и тем самым перерезать последнюю железную дорогу, по которой подвозились грузы к побережью Ладожского озера, откуда на судах они доставлялись затем в Ленинград. Всего через пять дней после этого хлебный паек был снова урезан. Прошла неделя — и новое уменьшение пайка. Формально это было последнее снижение норм выдачи, но это не значило, что по своей карточке горожанин всегда мог получить свой ломтик хлеба. Каждый выживал, как мог. В еду шло практически все, что можно было разжевать и проглотить. Бегающих по улицам кошек не осталось. Правда, далеко не все могли заставить себя есть кошачье мясо и пытались обменивать

его на что-либо иное. У кого оставались силы — шел на Неву, пробивал лунку и ловил рыбу. Таких смельчаков было немного.

Голод был лишь одной бедой. С 17 ноября в дома перестали подавать электричество — запасы топлива для электростанций истощались, пополнять их было неоткуда. Городские власти слишком поздно спохватились и не смогли вовремя организовать работы по слову деревянных домов, по изготовлению комнатных печек — «буржук». Только 24 декабря, когда уже давно стояли нестерпимые морозы, горком ВКП(б) и исполком Ленгорсовета приняли постановление о разборке деревянных сооружений и зданий, с оговоркой — в районах, подвергшихся разрушениям. За отключением электричества последовало отключение центрального отопления, хотя батареи в домах уже в ноябре были еле теплыми. К отключению отопительных систем властям пришлось прибегнуть 6 декабря. Следствием этой вынужденной меры стало то, что в домах исчезла вода, перестала работать канализация, во дворах центральной части города стали воздвигаться разных форм и размеров сооружения, в которые выливались нечистоты. Элементарное соблюдение личной гигиены теперь требовало огромных физических усилий и воли. Не у всех этого было в достатке. Быстро расплодившиеся вши не давали покоя горожанам, пока весной 1942 г. городским властям не удалось наладить функционирование нескольких бань. Голод и холод многих лишали последних сил, лишали воли, желания жить. Артобстрелы и бомбежки уже не побуждали, как в первые недели блокады, бежать и прятаться в бомбоубежищах. Складывается впечатление, что мерный стук метрономов стал для горожан настолько привычным, что на него переставали обращать внимание.

Впрочем, в ноябре-декабре 1941 г. имели место три вселявших надежду события: 22 ноября началось движение по Военно-автомобильной дороге № 101 через Ладожское озеро — так называлась тогда будущая Дорога жизни. 9 декабря был освобожден г. Тихвин, а 25 декабря впервые были повышены нормы хлебного пайка. Особенно последнее событие породило у горожан всплеск надежд на улучшение положения с продовольствием. Однако, поскольку в силу объективных причин (погодные условия, налеты немецкой авиации, отсутствие необходимого ко-

личества ремонтных баз, да и самих автомобилей) бесперебойное движение по Дороге жизни организовать было крайне сложно. Значительная часть грузов имела военное назначение (для частей Ленфронта, помимо пополнения личного состава, требовалось устранение дефицита боеприпасов, вооружения). В силу этого сколько-нибудь быстро поправить ситуацию с продовольствием было невозможно. В ноябре — очередная годовщина Октябрьской революции. По этому случаю рабочим выдали по 100 граммов шоколада, служащим и иждивенцам — по 200. Дети остались без сладкого, но получили сметану, 100 граммов натурального кофе и 100 граммов картофельной муки. Всем категориям горожан, правда, выдали еще по 200 граммов соленых помидоров. Но изменить положение это не могло. В городе началось время, которое блокадники называли «смертным».

Дистрофия уверенно собирала свою жатву: за январь 1942 г. в городе умерло 101 868 человек, следующий месяц также оказался богат на человеческое горе — умерли 108 029 человек. На конец января — начало февраля приходится особо резкий скачок смертности: из-за дефицита электроэнергии произошли многодневные перебои с выдачей карточек и выпечкой хлеба. Отнюдь не единичными стали случаи трупоедства и каннибализма. Городские власти предпринимали жесткие меры, чтобы пресечь эти явления.

Количество умерших было настолько велико, что похоронные команды не справлялись с захоронением. Покойников складировали, например, в бывших казармах Семеновского полка на Звенигородской улице. Вдоль берегов Обводного канала трупы лежали до весны. Наступавшая весна грозила всплеском заразных заболеваний. Это подтолкнуло исполком Ленгорсовета принять 7 марта 1942 г. решение о создании на Кирпичном заводе № 1 крематория (на территории нынешнего Парка Победы).

Нельзя забывать о том, что за получаемый по карточкам хлеб и другие продукты, за свою квартиру или комнату в ней, за посылку писем — за все это и в блокаду следовало платить. Если у блокадника была работа или денежный аттестат на семью офицера — у него были деньги. В противном случае нужно было продавать что-то из своего имущества, так как

должников по квартплате могли переселить в меньшую комнату, а то и вовсе лишить жилья.

Черный рынок в отличие от людей не умирал. Количество следственных дел, связанных с хищениями в госпиталях, на продуктовых складах, магазинах, не может не удивлять. Примеров не счесть. Так, случайная проверка «деятельности» буфетчиц филиала № 1 столовой № 13 показала, что всего за декабрь 1941 г. на сторону ушло 657 килограммов хлеба (т. е. пайки для нескольких тысяч детей). Самый простой способ хищения в магазинах — наклеивание отрезанных купонов с карточек на таблицу с некоторым смещением — к концу каждой строки можно было выгадать 2–3 дополнительных пайка.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации с продовольствием весной, истощенные голодной зимой горожане продолжали умирать десятками тысяч. В марте 1942 г. жизнь покинули еще почти 96 тысяч человек, в апреле — более 81 тысячи, в мае — более 53 тысячи.

Тем не менее, Ленинград понемногу оживал. Уже в марте горожане довольно дружно взялись за уборку улиц, скверов, домов. С середины апреля стали регулярно ходить трамваи. Один из блокадников вспоминал, что когда он увидел дерущихся мальчишек, то понял, что жизнь возвращается. В мае по призыву городских властей население без понуканий взялось за разведение огородиков. Практически все доступные участки земли оказались вскопанными и засеянными овощными культурами. Полученная с огородов в конце лета прибавка к пайку оказалась далеко не лишней. Голодная смерть постепенно отступала. Страшной напастью оставались почти ежедневные артиллерийские обстрелы, длившиеся по несколько часов. Но несмотря на это, радость от того, что посчастливилось пережить жуткую зиму, была велика. Многие не отказывали себе в удовольствии позагорать на солнце, побродить в парках и садах, искупаться в прудах.

До прорыва блокадного кольца — 18 января 1943 г. — оставалось еще долго, но у горожан крепла вера в то, что худшее осталось в прошлом. Однако здоровье многих прошедшая зима подкосила настолько, что усиленные пайки и ставшие более доступными лекарства уже не могли спасти их жизнь.

Страницы воспоминаний, писем, документов напоминают порой страницы Апокалипсиса, создают образ города как всепоглощающей могилы, в ненасытной утробе которой исчезли сотни тысяч детей, женщин, мужчин.

Публикуемые в этой книге дневники Ирины Дмитриевны Зеленской и сестер Веры Константиновны Берхман и Татьяны Константиновны Великотной объединяет не столько прежняя сословная принадлежность их авторов — все они были из «бывших», т. е. из дворян, — сколько поразительное отношение к жизни, исключительная душевная красота, искренность.

Строки этих дневников не только помогают ощутить жуткую реальность происходившего, они раскрывают перед нами мировосприятие трех женщин, избежавших душевного очерствения и безволия, поглотивших в блокаду многих горожан.

Ранее всем трем довелось увидеть немало человеческих страданий. В годы Первой мировой войны они были сестрами милосердия. Та война выковала характер Ирины Зеленской. На всю жизнь она осталась целеустремленным, стойким, принципиальным, бескорыстным человеком, готовым прийти на помощь. В блокаду ее поражало, как люди «до ужаса становятся неустойчивыми», как быстро «масса превратилась в первобытное состояние и даже почти не борется, а безропотно погибает». Она не изображала из себя борца, она таковым являлась по природе. Ее дневник, после войны заботливо перепечатанный ею на машинке, не может не удивлять четкостью мыслей, психологическим анализом поведения окружающих людей. Впрочем, давая оценки другим, она не забывала критически, как бы со стороны, взглянуть и на себя.

Татьяна Великотная обладала совсем иным характером. Как искренне верующий человек, она с поразительным смирением переносила обрушившиеся на нее несчастья. Она не умела постоять за себя. Она понимала, что ей не выжить. Рядом с ней не было никого, кроме ее сестры — Веры Берхман. Муж умер от истощения. Сын Александр находился в армии. Предчувствуя, что больше никогда не увидит сына, она и вела обращенный к нему дневник.

Верочку Берхман Первая мировая война сделала верующей. Постепенно ее библиотека пополнялась религиозной литературой

и, судя по всему, к началу Великой Отечественной войны достигла довольно внушительных размеров.

Когда 1 апреля 1942 г. умерла Татьяна, Вера Константиновна решила как бы продолжить ее блокадный дневник. Ее дневниковые записи отличаются от дневников Ирины Зеленской и Татьяны Великотной. Временами от отчаяния она готова была уйти из жизни. Но в отличие от тех, кто в оцепенении душевных сил просто ждал конца, она стремилась предстать перед Творцом преисполненной спокойной и чистой любви. Эта цель требовала — а в условиях блокады особенно — колоссальных психологических усилий. Постепенно, но все настойчивее и настойчивее, Вера изгоняла из своей души малейшие проявления черствости, эгоизма («Начала с Б[ожией] помощью приневоливать волю к добру»). Блокада не сломила ее, напротив, — преобразила, сделала совсем другим человеком.

Авторы дневников не задавались вопросом — защищают ли они Ленинград. Они защищали его самим фактом своего существования. Блокада была для них данностью. Они жили в этой данности, и в этом был их ежедневный подвиг.

Публикация этих дневников — дань памяти трем петербурженкам-ленинградкам, оставившим нам свидетельство, как можно оставаться человеком в самое страшное время.

* * *

Дневник Т. К. Великотной был полностью опубликован в сборнике «Человек в блокаде. Новые свидетельства» (СПб.: Остров, 2008), а дневник И. Д. Зеленской — в сборнике «„Я не сдамся до последнего...“: Записки из блокадного Ленинграда» (СПб.: Нестор-История, 2010). Дневник и письма В. К. Берхман публикуются впервые.